

На правах рукописи

АКОПОВ

Сергей Владимирович

**ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНДИВИДОВ
С МАКРОПОЛИТИЧЕСКИМИ СООБЩЕСТВАМИ:
МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 23.00.01 – теория и философия политики, история и
методология политической науки

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени

доктора политических наук

Санкт-Петербург

2015

Диссертация выполнена в рамках департамента прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Научный консультант:

Малинова Ольга Юрьевна

доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник сектора теории и методологии политической науки ИНИОН РАН

Официальные оппоненты:

Попова Ольга Валентиновна

доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ

Комаровский Владимир Савельевич

доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Глинчикова Алла Григорьевна

доктор политических наук, доцент, кафедра политологии и социологии, Московский педагогический государственный университет

Ведущая организация: **Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена**

Защита состоится «24» сентября 2015 г. в ____ час. на заседании диссертационного совета Д.002.015.05 в Институте философии РАН по адресу: 119991, г.Москва, ул.Волхонка, д.14, стр.5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН

Автореферат разослан «__» августа 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат политических наук, доцент

С.Г. Ильинская

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы. В силу приобретаемых в процессе социализации языковых и иных культурных компетенций, в силу неизбежной укорененности индивидуальной памяти в культурной, а также политической памяти наша политическая картина мира во многом предопределена сообществами, в которых мы рождаемся, живем, и с которыми себя идентифицируем. Однако, в отличие от понятия политической идентичности, «макрополитическая идентичность» указывает на идентификацию с более широким сообществом и охватывает все присутствующие в публичном дискурсе способы определения сообщества, которое конституируется через принадлежность к конкретному государству¹.

Нациецентричная политическая картина мира в эпоху глобализации перестает быть в полной мере адекватной меняющимся социально-политическим практикам. Во-первых, это связано с возрастанием роли негосударственных акторов, во-вторых, – с усилением миграционных потоков и повышением роли диаспор, в третьих, – с активизацией сетей Интернет, которые раздвигают национальные рамки коммуникаций, в четвертых, – с интернационализацией высшего образования и др. Данные обстоятельства побуждают подвергнуть метатеоретическому анализу как саму картину мира, сложившуюся на основе идеи нации, так и ее альтернативы. Таким образом, актуальность темы определяется перечисленными проблемами, которые являются вызовами для нациецентричной модели.

Научная проблема заключается в поиске альтернатив тому способу идентификации с макрополитическим сообществом, который является доминирующим. Указанная исследовательская проблема, в частности, предполагает поиск дополнительной идеально-типической модели транснациональной идентификации. Такая постановка вопроса опирается на существующий массив литературы, проблематизирующий нациецентричную картину мира и требующей метаанализа и обобщения. Транснациональная идентификация не может стать решением проблемы «кризиса идентичности» для крупных политических сообществ.

¹ *Малинова О.Ю.* Макрополитическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. в 2 т. Т.1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. -М., РОССПЭН. 2012. С.76.

Однако теоретическая разработка такой формы идентификации может оказаться актуальной для жизненных стратегий отдельных индивидов, которым приходится жить в рамках политического порядка, сложившегося в эпоху Модерна, несмотря на то, что их практики в глобальном мире уже вышли за пределы национальных границ.

Помимо научной существует практическая общественно-политическая проблема. Последняя заключается в том, что политические практики на всех уровнях характеризуются высокой степенью антагонизма, в частности, противопоставлением интересов национальных государств и цивилизаций друг другу, а также их конфронтацией с интересами общепланетарного глобального развития. Тем не менее в мире уже складываются практики, снимающие такую конфронтацию. Анализ потенциала таких практик, так же как и исследование потенциала транснациональной модели идентификации, является задачей данного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. При разработке *транснациональной модели идентификации* мы опирались на понимание «транснационального» у Р.Борна, введенного им в контексте политики США начала XX века². Мы учитывали классификацию современных форм транснационализма и определение его признаков в работах П.Клавин, С.Вертовека, Л.Приеса³. Использовались работы в области составной идентичности Л.Морено⁴, анализ процессов креолизации Т.Эриксона⁵, изучение феноменов «кросс-фертилизации» Р.Кохеном⁶, «трансверсальной философии» А.С. Колесникова⁷ и «транскультурной идентификации» М.Н.Эпштейна⁸. Учитывалась критика «методологического национализма», предпринятая в работах А.Аmeliной, Н.Шиллер, Д.Нергиз и Т.Фэйст.⁹ Использовался анализ транснационального пространства глобальных

² Bourne R. The Radical Will: Selected Writing, 1911-1918. NY. 1991.

³ Clavin P. Defining Transnationalism // Contemporary European History. Vol.14, No.4. November 2005. P. 421-439; Vertovec S. Transnationalism. NY. 2009; Rethinking Transnationalism The Meso-link of organizations. / ed. by L.Pries. NY. 2008.

⁴ Moreno L. Scotland, Catalonia, Europeanization and the Moreno question // Scottish Affairs. 2006. № 54. P. 1–21; Акопов С.В. Вопрос Морено // Управленческое консультирование. № 2. 2011. С. 121-130.

⁵ Eriksen T.H. Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius // *Creolization: history, ethnography, theory*. Walnut Creek. 2007. Pp. 172–173.

⁶ Cohen R. Creolization and Cultural Globalization: The Soft Sounds of Fugitive Power // *Globalizations*. 2007. Vol.4 (2) P. 369-384.

⁷ Колесников А.С. Становление мировой философии в условиях постглобализации // Диалог философских культур: Россия – Восток – Запад. -СПб. 2011. С. 5-16.

⁸ Epstein M. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. NY. 1999.

⁹ Beyond Methodological Nationalism. Research Methodologies for Cross-Border Studies. / ed. by A.Amelina, D.Nergiz, T.Faist, N.Schiller. NY. 2012.

городов в работах С.Сассен¹⁰, транснационального гражданства в трудах Дж.Фокс¹¹, транснациональной идентификации применительно к политическим вызовам миграции в исследованиях Р.Тараса¹², а также изучение формирования нового транснационального класса в международной политике¹³ и экономике¹⁴. Привлекались работы по транснациональному пространству Европейского Союза¹⁵, транснациональным политическим элитам¹⁶, транснациональной идентичности в рамках регионов Скандинавии и Северо-Восточной Азии¹⁷. Задействованы исследования в области сетевого социума, информационной экономики и виртуализации политического пространства в Интернет, разрабатываемые такими зарубежными и российскими авторами как Э.Гидденс, М.Кастельс, А.Этциони, Р.Робертсон, А.Аппадурай, З.Бауман, Н.Журавски, Т.Фридман, Д.Шварц, Н.Кауппи, И.Клюканов, Г.Тульчинский.¹⁸

При анализе транснациональной идентификации с *макрополитическими сообществами* мы опирались на работы Д.Делла Порты, М.Кек, В.Е.Морозова, С.Тарроу, Т.Риссе, Дж.Розенау, К.Сиккинк, О.Янг. Указанные авторы затрагивают тему транснациональной модели идентификации, в основном концентрируясь на

¹⁰ Sassen S. Neither Global nor National: Novel Assemblages of Territory, Authority, and Rights // *Ethics & Global Politics*. 2008. Vol.1 (1-2). P. 61-79.

¹¹ Fox J. Unpacking Transnational Citizenship // *Annual Review of Political Science*. 2005. Vol. 8. P. 171-202.

¹² Taras R. Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia. Lanham. 2009.

¹³ Apeldoorn van B. Theorizing the transnational: a historical materialist approach // *Journal of International Relations and Development*, 2004. №7. P. 142–176.

¹⁴ Transnational Communities: Shaping Global Economic Governance. / Ed. by Marie-Laure Djelic, Sigrid Quack. Cambridge, 2010.

¹⁵ Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Н.А. Косолапов, М.В. Стрежнева, Ф.Г. Войтоловский и др.; отв. ред. М.В. Стрежнева. -М.: ИМЭМО РАН, 2010.

¹⁶ Шебанова М.А. Международная бюрократия как слой транснациональных политических элит // *Полис*. 2012. № 1, С. 136 – 148.

¹⁷ Ломашева Ю.А. Транснациональная идентичность как социокультурное основание региональной интеграции: сравнительный политологический анализ стран Скандинавии и Северо-Восточной Азии: диссертация на соиск. степени кандидата политических наук: 23.00.04; [Дальневост. федер. ун-т]. – Хабаровск. 2012. С.9.

¹⁸ Гидденс Э. Ускользящий мир Как глобализация меняет нашу жизнь. -М., 2004; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. -М.: ГУ ВШЭ, 2000; Кастельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. -М.: Логос. 2002; Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям // *Геополитика*. Под ред. А.С.Тургаева, СПб., 2007. С.256-274; Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L., 1995. P. 25-44; Appadurai A. The Production of Locality // Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis. 1996. Pp. 178–200; Bauman Z. *Europe: An Unfinished Adventure*. NY. 2004; Zurawski N. Virtual Ethnicity: Studies on Identity, Cultural and the Internet. 2000. URL: <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/zurawski/veengl.html>. (Дата обращения 03.02.2012.); Friedman T. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. NY. 2005; Symbolic Power, Politics, and Intellectuals: The Political Sociology of Pierre Bourdieu. / ed. by David L. Swartz. Chicago. 2013; A Political Sociology of Transnational Europe. / ed. by Niilo Kauppi. ECPR Press, 2013; Клюканов И.Э. Коммуникативный универсум. -М. 2010. С. 203; Тульчинский Г.Л. Возможное как сущее // Предисловие к книге М.Эпштейна «Философия возможного». СПб., 2001. С. 7-24.

темах транснационального активизма, транснационального протеста и глобального правительства.¹⁹

Для анализа позитивных и негативных способов развертывания транснациональной идентификации привлекались исследования в рамках Копенгагенской школы международных отношений (Б.Бузан и О.Вэвер)²⁰, а также работы в области международного права, международной безопасности и внешней политики Р.Кеохэйна, Дж.Ная, Ф.Кратохвила, П.Хоу, В.Байна, П.Хоппера, П.Цыганкова, Й.Фергюсона и Р.Мансбаха.²¹ Использовались работы по транснациональной миграции Н.Шиллер, С.Линна и Л.Пегги²², исследования в области транснациональной безопасности Э.Аудинли и Ф.Могхаддама²³, а также работы, представляющие транснационализм как питательную среду современных глобальных рисков (терроризма, деятельности ТНК и т.д.)²⁴.

¹⁹ *Nye J., Keohane R.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction // *International Organization*. Vol. 25. No. 3 (summer 1971). P. 329-349; *Wendt A.* Social Theory of International Politics, Cambridge University Press. 1999; *Della Porta D., Tarrow S.* Transnational Processes and Social Activism: An Introduction // *Transnational Protest and Global Activism*. / ed. by Della Porta, S.Tarrow. Lanham: Rowman and Littlefield. 2004. P.1-17; *Morozov V.* The contingency of Politics and the internationalization of Democracy // *Decentering the West: The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony*. / ed. by Morozov V. Ashgate. 2013. P. 191-200; *Keck M., Sikkink K.* Transnational Advocacy networks in International Politics: Introduction // *Activists beyond borders*. Ithaca: Cornell University Press. 1999. P. 1-39; *Rosenau J.* Toward Ontology for Global Governance // *Approaches to Global Governance Theory*. / ed. by M.Hewson, T.J.Sinclair. NY: SUNY Press. 1999. P. 287-301; *Risse-Kappen T.* Bringing Transnational Relations Back in: Introduction // *Bringing Transnational Relations Back in: Non-state Actors, Domestic Structures and International Institutions*. / ed. by Risse-Kappen, T. Cambridge University Press. 1995. P. 3-33; *Risse T.* A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. Ithaca: Cornell University Press. 2010; *Governance Without a State? : Policies and Politics in Areas of Limited Statehood* / ed. by T. Risse. NY: Columbia University Press. 2012; *Young O.* Global Governance: Toward a Theory of Decentralized World Order // *Global Governance: Drawing Insights from the Environmental Experience*. / ed. by Or.Young. Cambridge, MA: MIT press. 1997. P. 273-299.

²⁰ *Buzan B., Acharya A.* Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia. London. 2010.

²¹ *Kratochwil F.* Rules, Norms and Decisions, On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Society. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1989; Универсальные ценности в мировой и внешней политике. / Под. ред П.А.Цыганкова. -М. МГУ. 2012; *Hough P.* Understanding Global Security. L. 2004; *Baine W.* The Empire of Security and the Security of the People. L. 2006; *Hopper P.* Living with Globalization. NY. 2006; *Ferguson, Yale H. and Richard W. Mansbach.* Remapping Global Politics. History's Revenge and Future Shock. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

²² *Schiller N.G.* Locating Migration: Rescaling Cities and Migrants. Cornell University Press. 2011; *Schiller N.G.* Migration, Development and Transnationalization: A Critical Stance, Berghahn Books. 2010; *Schiller N., Fournon G.* Georges Woke Up Laughing: Long Distance Nationalism and the Apparent State. Durham. 2003; *Lynn S.* Transborder Lives: Indigenous Oaxacans in Mexico, California, and Oregon. Durham. 2007; *Basch L., Schiller N., Blanc C.* From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. Vol.68, No. 1. 1995. P. 48-63; *Peggy L., Schiller N.G.* Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. // *International Migration Review*. 2004. №38. P. 595-629.

²³ *Emerging Transnational (In)security Governance: A Statist-Transnationalist Approach*. / ed. by E.Aydinli. NY. 2010; *Moghaddam F.M.* The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60, № 2. P. 161-169.

²⁴ *Al-Rasheed M.* Transnational Connections and the Arab Gulf. NY. 2004; *International Migration and Security*. / ed. by Guild E., Van Selm J. NY. 2006; *Geopolitics of European Union Enlargement: The Fortress Empire*. / ed. by Armstrong W., Anderson J. NY. 2008; *Central Asia and the Caucasus. Transnationalism and Diaspora*. / ed. by Atabaki T., Mehendale S. NY. 2009; *The Securitization of Humanitarian Migration: Digging moats and sinking boats*. / ed. by

В процессе метатеоретического анализа были выявлены различные аспекты проблемы идентификации, которые задают контекст для постановки проблем нашего дальнейшего исследования. Так, в плане изучения национальной *модели идентификации* важным является ракурс исследования соотношения этнической и гражданской составляющих национальной идентификации в работах таких российских авторов, как В.С.Комаровский, Б.Г.Капустин, Л.Н.Гумилев, С.М.Широкогоров, А.М.Кузнецов, Ю.В.Бромлей, Ю.П.Шабаев, В.С.Малахов, В.А.Ачкасов, В.А.Тишков²⁵; а также зарубежных авторов: Э.Геллнер, Э.Смит, Р.Брубейкер, Б.Петерссон, У.Озкиримли, Б.Андерсон, А.Рошвальд.²⁶ Из этого контекста возникает проблема: на какой (этнической или гражданской) основе транснациональная модель может надстраиваться над национальной? Из критики «воображаемых сообществ» Б.Андерсона со стороны Г.Балакришнана²⁷ рождается вопрос изучения сакрального потенциала идентификации с идеей нации, «живучести» национального способа воображения и его потенциального «перетекания» в иные (возможно, и транснациональные) модели идентификации.

Разные аспекты *цивилизационной* модели идентификации поднимаются в работах таких авторов, как В.Л.Цымбурский, О.Ю.Малинова, А.И.Миллер, А.Г.Глинчикова, Э.А.Паин, В.К.Кантор, Б.Ю.Кагарлицкий, В.В.Лапкин, В.И.Пантин,

Watson S. NY. 2009; Securitizations of Citizenship. / ed. by Nyers P. NY 2009; Transnational Politics and the State. The External Voting Rights of Diasporas. / ed. by Lafleur J.- M. NY. 2012; Migration and Insecurity. Citizenship and Social Inclusion in a Transnational Era. / ed. by Steiner N, Mason R, Hayes A. NY. 2012.

²⁵ *Комаровский В.С.* Политическая идентификация России в свете идеологем «суверенной демократии» // Модель «суверенной демократии» в России: что за кадром? Материалы научного семинара / Под ред. В. И.Якунина. Выпуск № 9 (14). М., 2008. С.6-35. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданского общество, М.: ВШЭ. 2011; *Гумилев Л.* Этносфера. История людей и история природы. -М., 2002; *Кузнецов А.М.* Этнос и нация в условиях постсовременности (Теория этноса С.М. Широкогорова и ее значение для неклассической науки) // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Владивосток. 2008. С. 16–76; *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. -М., 1981; *Шабаев Ю.П.* Этнополитология в России: «наука без периферии» // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007). -М., 2008. С. 145-164; *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. -М., 2005; *Ачкасов В.А.* Этнополитология. -СПб., 2005; *Тишков В.А.* Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 2: Политическая культура и политические процессы. -СПб., 2007. С.482-493; *Makarychev A.* Images, metaphors and power: reinventing the grammar of trans-border regionalism / ed. by R. Taras. Russia's Identity in International Relations. Images, Perceptions, Misperceptions, NY. 2013. P.110-131.

²⁶ *Gellner E.* Nationalism and Modernity. Nations and Nationalism: A Reader / ed. by P.Spenser and H.Wollman. Edinburgh, 2005. P.40-47; *Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис. 2004; *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge. 1999; Identity Dynamics and the Construction of Boundaries / ed. by Petersson B., Clark E. Lund, 2003; *Ozkirimli U.* Contemporary Debates on Nationalism. Hampshire. 2005; *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. NY. 2006; *Roshwald A.* The Endurance of Nationalism. Cambridge 2006.

²⁷ *Балакришнан Г.* Национальное воображение // Нации и национализм / Под. ред. Б.Андерсона и др. М.: Праксис. 2002. С. 264-282.

И.С.Семенов, В.С.Мартынов, О.В.Попова, П.В.Панов, И.Н.Тимофеев, А.В.Макарычев, А.М.Эткинд²⁸. Также как Г.Балакришнан в отношении сакральных источников национальной идентификации, С.Эйзенштадт исследует экзистенциальные основы утробы цивилизации²⁹, в то время как М.Масловский указывает на необходимость исследования меж и *транскулицизационных* взаимодействий³⁰. Оба обозначенных аспекта тесно связаны с проблемой определения макрополитических оснований идеальной-типической транснациональной модели идентификации.

Отдельно следует выделить блок работ в области «*мирового гражданства*», от которого также отталкивалась логика рассмотрения транснациональной идентификации в данной диссертации. Политические и моральные аспекты космополитизма развиваются у таких авторов, как М.Нуссбаум, Дж.Валдрон, У.Бэк, С.Бенхабиб, Б.Бэрри, Д.Хелд, Т.Погге³¹, а также в работах, посвященных анализу их

²⁸Малинова О.Ю. Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Политическая идентичность и политика идентичности. М.:РОССПЭН, Т.2. 2012. С. 332-354; Глинчикова А.Г. Россия и Европа: два пути модернизации (Сравнительно-политологическое исследование): диссертация на соиск. степени доктора политических наук: 23.00.02. [Институт философии РАН].- Москва, 2013; Цымбурский В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика // Геополитика. Антология. М.: Юрист, 2006. С. 935-966; Паин Э.А. Этнические конфликты в постимперской России // Вестник Института Кеннана в России. -М., Выпуск 22. 2012. С. 35-47; Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. - М., 2007; Лапкин В.В. Метаморфозы идентичности в условиях глобализации // Политекс. 2011, Т.7, №2. С. 25-41; Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России. Политекс. 2011, Т.7, №2. С. 42-51; Семенов И.С. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир // Политическая идентичность и политика идентичности. М.:РОССПЭН, Т.2. 2012. С. 41-71; Мартынов В. Метаморфозы российского модерна, Екатеринбург. 2007; Попова О.В. Символическая репрезентация прошлого и настоящего России в президентской кампании 2012 г. // Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН. 2012. С. 222-238; Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо, 2009; Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма: заметки на полях одной статьи А.Н.Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе: сборник статей / Под ред. А. Миллера. М.:Новое издательство. 2004. С. 263-285; Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций. / Под ред. П.В.Панова, К.А.Сулимова, Л.А.Фадеевой -М.:РОССПЭН. 2012; Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.:МГИМО-Университет. 2008; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛЮ. 2013.

²⁹Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 70.

³⁰Брославский Р., Масловский М. Цивилизационный анализ и советский модерн // НЛЮ. № 6. 2014. С.49.

³¹Held D. Cosmopolitanism. Ideas and Realities. Polity. Cambridge, 2010; Walderon J., What is cosmopolitan? // The Cosmopolitanism Reader. / ed. by G.W.Brown. D.Held. Polity, Cambridge, 2010. P. 163-175; Barry B. International Society from a Cosmopolitan Perspective // The Cosmopolitanism Reader. / ed. by G.W.Brown. D.Held. Polity, Cambridge, 2010. P. 100-113; Nussbaum M.C. Patriotism and Cosmopolitanism // For Love of Country? Debating the Limits of Patriotism / ed. by M.C. Nussbaum. Boston, 2002. P. 3-20; Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот. // Вестник Института Кеннана в России. -М., Выпуск 22.

концепций³². Среди критиков «мирового гражданства» (с позиций гражданского патриотизма, либерализма, цивилизационизма, коммунитаризма и неомарксизма) такие философы, как С.Хантингтон, К.Калхун, И.Валлерстайн, М.Губернау, Х.Патнэм, У.Кимлика, Ч.Тэйлор, Д.Миллер³³. Возникает проблема преодоления критики космополитизма и нахождение баланса между «выраженным» и «разреженным» видами космополитизма и их соотнесения с транснациональной моделью идентификации.

Таким образом, можно сделать вывод, что указанные проблемы соотнесения национальной, цивилизационной и космополитической идентификаций подводят нас к научной проблеме встраивания или надстраивания транснациональной модели идентификации, максимально используя потенциал вышеописанных моделей. Такое «надстраивание» на микроуровне транснационального над национальным отличается от более традиционных подходов противопоставления транснационального национальному³⁴, несет в себе научную новизну.

Объектом исследования является опыт осмысления современного феномена транснациональной идентификации в отечественных и западных политико-философских концепциях.

Предмет исследования – метатеоретические основания транснациональной идентификации индивидов с макрополитическими сообществами.

Цель и задачи исследования. *Цель исследования* – на основе анализа отечественных и западных политико-философских концепций разработать идеально-типическую модель транснациональной идентификации с макрополитическими

2012. С. 57-69; Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. NY. 1992; Pogge, T. Cosmopolitanism: A Defence // Critical Review of International Social and Political Philosophy. Vol.5, №3. 2002. P. 86-91.

³² Например, Хомяков М.Б. Брайан Бэрри: либеральный универсализм против мультикультурализма и национализма // Журн. социологии и соц. антропологии. 2007. Т.10. № 1. С. 74-100.

³³ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. -М., 2004; Guibernau M. The Identity of Nations, Cambridge. 2010; Calhoun G. The Class Consciousness of Frequent Travelers. Toward a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism // South Atlantic Quarterly. 2002. 101(4). P. 869-897; Уолцер М. Сферы привязанности // Логос, №2 (53). 2006. С. 128-129; Валлерстайн И. Ни патриотизм, ни космополитизм. // Логос, №2 (53). 2006. С. 126-127; Патнэм Х. Должны ли мы выбирать между патриотизмом и универсальным разумом? // Логос, №2 (53). 2006. С. 120-125; Кымлика В. Citizenship in the Era of Globalization // The Cosmopolitanism Reader. / ed. by G.W.Brown, D.Held. Polity, Cambridge, 2010. P. 435-443; Тэйлор Ч. Почему демократия нуждается в патриотизме. // Логос, №2 (53). 2006. С. 130-131; Miller D. Cosmopolitanism // The Cosmopolitanism Reader. / ed. by G.W.Brown, D.Held. Polity. Cambridge, 2010. P.377-392.

³⁴ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. -М., 2004. С. 29; Шебанова М.А. Концепт нации в транснациональном дискурсе // Полис 2012, т 8 № 2, С. 165.

сообществами и выявить ее потенциал с точки зрения снижения уровня ксенофобии и деконструирования образа «врага».

Данная цель предполагает решение следующих *задач*:

- 1) Рассмотреть феномен идентификации индивидов с сообществами;
- 2) На основе метатеоретического анализа политической идентификации выявить основные модели идентификации индивидов с политическими сообществами, характерные для современного мира;
- 3) Определить основания идентификации индивидов с макрополитическими сообществами;
- 4) Произвести анализ элементов национальной модели идентификации;
- 5) Выявить особенности элементов цивилизационной модели идентификации;
- 6) Исследовать элементы космополитической модели идентификации;
- 7) Рассмотреть интеллектуальные предпосылки выделения транснациональной модели идентификации с макрополитическими сообществами;
- 8) Осуществить анализ социально-исторических предпосылок кристаллизации транснациональной модели идентификации с макрополитическими сообществами;
- 9) Выделить и описать элементы идеально-типической транснациональной модели идентификации с макрополитическими сообществами;
- 10) Выявить социальных акторов, для которых такая модель транснациональной идентификации может быть актуальной;
- 11) Выделить предпосылки и риски негативного способа развертывания транснациональной модели идентификации;
- 12) Изучить условия и возможности позитивного способа развертывания транснациональной модели идентификации с точки зрения снижения уровня ксенофобии и деконструирования образа политического «врага».

Методология исследования. Ставя задачу метатеоретического анализа оснований идентификации с макрополитическими сообществами, автор отталкивался от теории «воображаемых сообществ»³⁵, а также от идеи множественности моделей

³⁵ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. P. 207; *Касториадис К.* Дрейфующее общество. М.: Гнозис. Логос. 2012; *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. -М. 1993.

идентификации с политическими³⁶ и макрополитическими сообществами³⁷. При различении идентичности и идентификации автор опирался на конструктивистский подход³⁸. При учете и использовании ресурса национальной модели я опирался на идею о сакральности воображаемой национальности и ее чувствительности к ситуациям милитаризации сообщества, развитую Г.Балакришнаном³⁹. В случае исследования экзистенциального потенциала утروения цивилизации я опирался на анализ Ш.Эйзенштадта и И.Арнасона⁴⁰. При попытке нахождения баланса между «выраженным» и «разреженным» видами космополитизма и их соотнесения с транснациональной моделью идентификации я использовал концепцию «концентрических кругов» М.Нуссбаум⁴¹, а также многоуровневый подход к космополитизму Д.Хелда⁴².

Конструируя авторскую идеально-типическую модель транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами, я опирался на теоретическую рамку и идею «транснационального социального поля» С.Вертовека⁴³, идею «транснационального социального пространства» Л.Приеса⁴⁴, концептуализацию «транснационального» и «постнационального» в теории международных отношений соответственно у Дж.Ная, Р. Кеохэйна и у Й.Фергюсона, Р.Мансбаха⁴⁵. При анализе потенциала транснациональной модели с точки зрения снижения уровня ксенофобии и деконструирования образа «врага» упор делался на сравнение дискурсивных и

³⁶ Сообщества как политический феномен / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. - М.: РОССПЭН. 2009; Политическая идентичность и политика идентичности. / под ред. И.С. Семененко. Т.1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. -М.: РОССПЭН. 2012.

³⁷ Малинова О.Ю. Конструирование смыслов. Исследование символической политики в современной России. М.: РАН.ИНИОН. 2013.

³⁸ Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. № 1. P. 1-47.

³⁹ Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм / Под. ред. Б.Адерсона и др. М.: Праксис. 2002. С. 278

⁴⁰ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. С.70; Arnason J.P. Civilizational Analysis as a Paradigm in the Making // Encyclopedia of Life Support Systems. Paris: Eolss Publishers. URL: www.eolss.net/Sample-Chapters/C04/E6-97-01-00.pdf.

⁴¹ Nussbaum M. C. Patriotism and Cosmopolitanism // For Love of Country? Debating the Limits of Patriotism / ed. by M. C. Nussbaum. Boston. 2002. P. 3-20.

⁴² Held D. Cosmopolitanism. Ideas and Realities. P.80.

⁴³ Vertovec S. Transnationalism. P.12.

⁴⁴ Pries L., Seeliger M. Transnational societal spaces. // Beyond Methodological Nationalism. Research Methodologies for Cross-Border Studies. A.Amelina, D. Nergiz, T.Faist, N.Schiller(Eds.). NY. 2012. P.227

⁴⁵ Nye J., Keohane R. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. P. 329-346; Ferguson, Y. and Mansbach R. Remapping Global Politics. History's Revenge and Future Shock. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

агонистических подходов к природе «политического»⁴⁶ и разработки Копенгагенской школы международных отношений⁴⁷. Анализ условий и потенциала способа позитивного развертывания транснациональной идентификации строится на «мы-концепции органического единства общества»⁴⁸, идеях «экзистенциальной коммуникации»⁴⁹ «агоры»⁵⁰, «транскультуры»⁵¹ и «проектной идентификации личности»⁵².

Исследование также опиралось на прикладные методы анализа вербальных текстов (анализ интервью⁵³, нарративный анализ⁵⁴), разработки в рамках политической антропологии⁵⁵ и визуальных репрезентаций⁵⁶. Использованы качественные методики исследования: дискурс анализа текста⁵⁷ и метод «кейсов»⁵⁸.

Научная новизна исследования. Научная новизна состоит в том, что разработана идеально-типическая модель транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами, надстраивание которой на микроуровне над национальной может привести к снижению уровня ксенофобии и деконструирования образа «врага». Научная новизна конкретизирована в следующих результатах:

1. Разработана авторская модель идентификации с макрополитическим сообществом;

⁴⁶ Mouffe C. Bringing hegemony, agonism and the political into journalism and media studies // *Journalism Studies*. 2006. №7(6). P. 964-975; Поцелуев С.П. От «антагонизма» к «агонизму»: к теории демократии Э.Лаклау и Ш.Муффа // *Политическая концептология*. 2011. № 2. Ростов-на-Дону. С. 48-73.

⁴⁷ Vujan B., Waever O and de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder. 1998.

⁴⁸ Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука. 1996.

⁴⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика. 1994.

⁵⁰ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 1992.

⁵¹ Эшттейн М.Н. Универсика: на пути к критической универсальности // *Знак пробела: О будущем гуманитарных наук*. М.: НЛЮ. 2004. С. 635-651.

⁵² Тульчинский Г.Л. Личность как проект и бренд. // *Наука телевидения. Научный альманах* / Под общ. ред.: Г.Гамалея. Вып. 8. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А.Литовчина. 2011. С. 250-265.

⁵³ Brinkmann S., Kvale S. *Interviews: Learning the Craft of Qualitative Research Interviewing*. Sage. Thousand Oaks. 2009.

⁵⁴ Andrews M., Squire C. and Tamboukou M. *Doing Narrative Research*. L. 2008; Riessman C.K. *Narrative analysis // The Qualitative Researches Companion*. / ed. by A.M.Huberman and M.B.Miles. Thousand Oaks. P. 217-270.

⁵⁵ Крадин Н.Н. Политическая антропология. -М., 2001; Тишков В. А. Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия // *Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии*. Т.2: Политическая культура и политические процессы. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. -СПб., 2007. С. 490-491.

⁵⁶ Москвин Д.Е. Визуальные репрезентации в политике и перспективы визуальных методов исследований в политической науке // *Символическая политика*. / Отв. ред. О.Ю. Малинова. -М., 2012. С. 75-90.

⁵⁷ Phillips L. and Jorgensen M.W. *Discourse Analysis as Theory and Method*. L. 2004.

⁵⁸ Flyvbjerg B. Five Misunderstandings about Case-Study // *Qualitative Inquiry*. 2006. Vol.12, No.2. P. 219-245; Yin R.K. *Case Study Research: Design and Methods*. Thousand Oaks. 2009.

2. На основе разработанной модели осуществлен метатеоретический анализ нации как доминирующего способа воображения макрополитического сообщества и выявлен ее потенциал для надстраивания транснациональной модели;

3. Произведен метатеоретический анализ цивилизационной модели идентификации с макрополитическим сообществом и определены ее экзистенциальные основания, имеющие потенциал для конструирования транснациональной модели;

4. Осуществлен метатеоретический анализ космополитической модели идентификации и исследованы элементы многоуровневого подхода к космополитизму, пригодные для выстраивания транснациональной модели;

5. Исследованы социально-исторические и интеллектуальные предпосылки транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами;

6. На основе авторской модели идентификации с макрополитическими сообществами разработаны теоретические основания транснациональной идентификации;

7. Установлены характеристики субъектов транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами, сформулировано понятие «транснациональный интеллект»;

8. Описаны особенности негативного и позитивного способов развертывания модели транснациональной идентификации, выявлены их ключевые признаки;

9. Проанализирован потенциал модели транснациональной идентификации с точки зрения снижения уровня ксенофобии и деконструирования образа политического «врага».

Теоретические положения, выносимые на защиту:

1. Кроме языковых компетенций важной предпосылкой неизбежной самоидентификации индивида является избирательный характер его индивидуальной памяти по отношению к контекстам социальной, культурной, а также политической памяти национального сообщества. В силу данного обстоятельства именно национальная политическая идентификация продолжает оставаться преобладающей и доминирующей на макроуровне. При этом, в отличие от протекающей в пространстве

политико-идеологических предпочтений идентификации на уровне других политических сообществ, макрополитическая идентификация будет указывать на совокупность способов идентификации с сообществом, стоящим за современным государством. Однако нациецентричная политическая картина мира в эпоху глобализации перестает быть полностью адекватной меняющимся социально-политическим практикам.

2. Авторская модель состоит из четырех оснований идентификации с макрополитическими сообществами:

а) *Комплекс сознательных или бессознательных представлений о «Мы-сообществе».* Принципиально также выделение, так называемых, «структурирующих» vs «вторичных» оснований для представления о «Мы-сообществе». По этим основаниям происходит упорядочение идентификационной матрицы в рамках присущей индивиду картины мира.

б) *Идея или образ значимых «Других».* Речь идет об установке в сознании индивида, связанной с самоопределением в социальном, политическом, символическом пространствах. Такое самоопределение вырабатывается на основе выделения личностей, групп или институтов, задающих границы идентификации и обладающих значимыми для нее характеристиками. «Другой» может ограничивать воображаемое «Мы-сообщество» в форме «иногo», «чужогo» или «врага». Разные типы «границ» могут определять разные способы различения со значимым «Другим» во времени и в пространстве.

в) *Коллективная политическая память,* существование которой результат неизбежной укорененности жизни индивида в историческом контексте и коммуникативных практиках, на которые опирается «социальное воображаемое». В целях дальнейшей операционализации оснований идентификации мы выделили в рамках коллективной *политической* памяти субоснования: «память о коллективных политических жертвах» и «память о коллективных политических триумфах».

д) *Особенности позиционирования субъектов в политическом пространстве.* Внутри данного элемента мы выделяем два разных способа восприятия политического пространства: относительно в большей и относительно в меньшей степени ориентированных на политические границы в рамках физической географии.

Первое понимание пространства мы назвали «территориальным», а второе - «посттерриториальным» («ценностно-ментальным»). Два типа позиционирования себя в политическом пространстве связаны с разной природой приобретения гражданства («jus soli», «jus sanguinis», «натурализация», «двойное гражданство» и др.).

3. Эффективность национальной модели идентификации на уровне воспроизводства политической памяти связана с ее сакральным потенциалом, позволяющим индивидам преодолеть угрозу собственного забвения, особенно в условиях милитаризации сообщества. При этом *сильная сторона* идеологии национализма также заключается в том, что она мобилизует и легитимирует политическую роль большинства индивидов, проживающих на конкретной территории с помощью идеи национального гражданства. В современных условиях модель национального государства (несмотря на ее сохраняющееся доминирование) активно подвергается критике. Однако можно предположить следующее: а) национальная модель будет востребована до тех пор, пока она будет оставаться «тайным» хранилищем сакрального политического смысла; б) «сакральное» национальной модели может питать экзистенциальные основания каких-то других моделей, например, транснациональной.

4. Горизонт «трансцендентного назначения человечества» сближает цивилизационную модель идентификации с космополитической, однако, в отличие от космополитической модели, «сакральная вертикаль» создает «основное человечество» именно из «ядровых народов» цивилизации и «основную землю» (ойкумены) – из населенного ими цивилизационного ареала. Последнее вновь приближает цивилизационную модель к национальной. В целях конструирования транснациональной модели перспективными представляются следующие подходы и взгляды на феномен цивилизаций: а) рассмотрение *транскивилизационных* взаимосвязей вместо изолированных и самодостаточных или «сталкивающихся» цивилизаций; б) идея множественности и альтернативности форм модерна, объясняющая, почему разнообразие культурных и институциональных форм современных обществ не может быть сведено к эффекту сложившейся исторической «колеи»; в) в связи с разработкой понятия «транснационального интеллектуала»

перспективной может быть идея «осевых революций», связанных с напряжением и поисками путей преодоления разрыва между трансцендентным и мирским порядками, что приводит к формированию нового типа духовной элиты, выступившей носителем новых моделей социокультурного устройства общества.

5. Особенностью космополитической модели является то, что в ее основании лежат идеалы мирового гражданства и глобального правительства, а также, что, в отличие от национальной модели, космополитическая ставит под сомнение основанную на понятиях суверенитета и целостности территории Вестфальскую систему национальных государств. Спецификой космополитической модели также является то, что она предполагает достаточно слабую / отсутствующую привязку к географической территории и отождествление себя с общепланетарным пространством человечества. Доля «локального» в «глобальном» определяется степенью «выраженности» либо, наоборот, «разреженности» космополитических идеалов и варьируется в разных концепциях. Аргументы в критике «выраженного» космополитизма в защиту патриотизма и сохранения национальных традиций, а также идеи необходимости нахождения баланса между «выраженным» и «разреженным» видами космополитизма представляются перспективными для поиска транснациональной модели во второй главе исследования. Можно смотреть на переход от национальной к цивилизационной и далее космополитической идентификации как движение по шкале нарастания в моделях макрополитической идентификации персонологической доминанты самоопределения личности.

6. Обнаруживаются следующие социально-исторические предпосылки транснациональной идентификации индивида: становление сетевого общества; формирование «информациональной» и «глобальной» экономики нового типа; процесс «интернетизации» населения; процесс культурной креолизации; расширение феномена мультилингвизма; развитие составной политической идентификации.

7. Понятие «транснациональность» зародилось как некоторый компромисс между патриотизмом и культурным плюрализмом, национализмом и пацифизмом на фоне практических трудностей интеграции мигрантов в США в начале XX века. Идеи Р.Борна, Дж.Ная и Р.Кохэна, С.Вертовека, Л.Приеса Й.Фергюсона и Р.Мансбаха

можно рассматривать как интеллектуальные истоки авторской идеально-типической модели транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами.

8. Под транснациональной можно понимать такую модель идентификации с макрополитическими сообществами, в которой *представления о «Мы-сообществе»* опираются на такие признаки, как «жизнь в сети», включенность в «информациональную глобальную экономику», активная практика общения в Интернет, культурная креолизация, би(мульти)лингвизм, наличие составной политической идентификации; *представления о значимых «Других»* выстраиваются на основе гибкой модели гражданства; *на уровне коллективной памяти* индивид на микроуровне соотносит себя с прошлыми несколькими конкретными макрополитическими сообществами, потенциально фокусируясь на взаимодействиях негосударственных акторов; *интерпретация политического пространства*, не отказываясь полностью от географической территориальности, использует «национальный ландшафт» лишь как стартовую позицию для перехода в виртуальное политическое пространство индивидуальных ментальных карт.

9. Представленная транснациональная модель является альтернативой распространенному пониманию транснационализма как идеологии, идеализирующей для своих сторонников – триумф, а для своих противников – опасность господства транснациональных компаний. Авторская модель транснациональной идентификации предлагается не столько как альтернатива национальной модели, сколько «надстройка» над несколькими макрополитическими сообществами. Поскольку у различных индивидов транснациональная идентификация на микроуровне сопрягается с разными макрополитическими сообществами, то в своей совокупности это может формировать особую политическую ткань – органическую сеть, в которой переплетутся индивидуальные лояльности самым разным сообществам и государствам. При сохранении потенциала «сакральности» нации такая транснациональная модель лишает первую важных оснований для милитаризации масс и кристаллизации образа «врага».

10. Выявлено, что транснациональная модель – это модель не для всех, а для носителей специфического политического сознания, опыта и практик. Выделяются такие субъекты транснациональной модели идентификации, как «трансмигранты»,

«глобальные кочевники» и «транснациональные интеллектуалы». Можно дать следующее определение понятию «транснациональные интеллектуалы» - это интеллектуалы, обладающие признаками вышеописанной транснациональной идентификации и играющие существенную роль в политическом сближении сообществ, исторически разделенных нарративами вражды и образами «врага».

11. Практические риски негативных способов развертывания транснациональной идентификации связаны с возросшей в начале XX века террористической активностью и распространением транснациональной преступности, с изменениями характера миграции. Негативному варианту транснациональной идентификации способствуют ксенофобия и механизмы экстернизации образа «врага», в частности, русофобия и образ «далеких местных». Философскими предпосылками формирования негативной идентификации можно считать антагонистический подход к трактовке природы «политического» и конструирование образа «врага». Последний может характеризоваться принципами социального дарвинизма и морального релятивизма. Что касается конструирования образа «врага», то он является своеобразным «резервуаром», в который часто помещаются собственные коллективные «комплексы» и исторические «травмы».

12. Преимущества транснациональной идентификации над альтернативными моделями проявляются только в случае позитивного способа ее развертывания. Последний можно строить на принципах: «диалектического понимания глобализации»; «политической дружбы»; «народной дипломатии»; «транснациональной экзистенциальной коммуникации»; «транснациональной культурной компетентности»; «живого знания»; «мы-чувства органического единства общества»; построение позитивной транснациональной идентификации по принципу «концентрических кругов: от национально к глобальному».

13. В современном российском контексте в условиях глобализации потенциал реализации транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами заключается, во-первых, в ревизии роли национального государства как элемента политической системы; во-вторых, в размывании философских оснований политического экстремизма, ксенофобии, национализма, негативной политической мобилизации и образа «врага»; в-третьих, в преодолении эскапизма в социально-

политической сфере; в-четвертых, в пересмотре «выраженного» космополитизма в сторону положительного способа развертывания модели транснациональной идентификации. Транснациональная модель, «надстраиваясь» над национальными лояльностями разным макрополитическим сообществам, сохраняет привязанность граждан к национальным сообществам и может способствовать преодолению «кризиса идентичности», углубляющегося в условиях ассиметрично протекающей глобализации.

Теоретическая и практическая значимость работы. *Теоретическое значение* диссертации состоит: во-первых, в обобщении исследований в области транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами; во-вторых, в разработке идеально-типической авторской модели транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами; в-третьих, в указании условий и оснований позитивного развертывания модели транснациональной идентификации, а также в анализе ее потенциала с точки зрения снижения уровня ксенофобии и деконструирования образа «врага»; в-четвертых, в разработке на метатеоретическом уровне авторской модели элементов идентификации с макрополитическими сообществами на примере идентификации с нацией, цивилизацией и космополисом.

Решение диссертантом комплекса теоретико-методологических задач позволяет прояснить процесс становления и развития таких феноменов, как позитивный и негативный способы развертывания модели транснациональной идентификации, «секьюритизация» субъектов транснациональной идентификации, «космополитический локализм», «составная идентичность», «креолизация», «транснациональный интеллект» и др. Теоретические выводы диссертации могут способствовать формированию более четкого концептуального аппарата для программ исследования политической глобализации и идеологии транснационализма. Результаты диссертационной работы позволяют уточнить теоретические представления о природе национальной, цивилизационной, космополитической, транснациональной политических идентификаций и роли этих феноменов в современном политическом процессе в России и за рубежом. Материалы диссертации могут быть использованы для обоснования ряда практических предложений по десекуритизации политического дискурса в области транснациональной безопасности. Наконец,

сконструированная теоретическая модель может позволить уйти от противопоставления «транснациональное» versus «национальное», «транснациональное» versus «космополитическое», «транснациональное» versus «патриотическое» и других упрощенных методологических схем.

Практическая значимость работы состоит в следующем: проводимые на основании авторской модели транснациональной идентификации исследования позволяют прогнозировать перспективы и возможные векторы ее трансформации в будущем. Использование материалов диссертации может способствовать повышению качества принятия политических решений как государственными, так и негосударственными, в том числе транснациональными акторами политического процесса. Положения и выводы, изложенные в работе, могут использоваться как методологическая основа анализа и прогнозирования развития российской и международной публичной сферы.

Кроме того, основные выводы и положения диссертации могут быть использованы в образовательной сфере – при чтении курсов по дисциплинам, входящим в учебный план студентов и аспирантов: например, «политическая философия», «теория политики», «политическая антропология», «политическая коммуникативистика», «геополитика», «международные отношения и мировая политика» и другим дисциплинам политологического цикла. Материалы исследования также могут быть полезны для нивелирования ошибок методологии при проведении теоретических и практических исследований в области транснациональных процессов.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были изложены автором в научных публикациях, а также в выступлениях на различных научных конференциях, в том числе на международной конференции «Национализм и демократия» исследовательского комитета «Этничность и политика» МАПН (Мадрид, 2009), V Всероссийском конгрессе РАПН (Москва, 2009), международной конференции «Этно-культурное разнообразие и проблема толерантности в глобализующемся мире» исследовательского комитета «Этничность и политика» МАПН (Санкт-Петербург, 2010), конференции с международным участием «Политические институты в современном мире» (факультет политологии

СПбГУ, 2010), межвузовской конференции «Диалог культур и становление трансверсальной философии» (Санкт-Петербургское философское общество, 2010), международной конференции «Вызовы мультикультурализма. Европейские модели многообразия» (Университет Мальмо, Швеция, 2011), международной конференции Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований (Кембриджский Университет, Великобритания, 2011), международной конференции «Демократия, этничность и государство» исследовательского комитета «Этничность и политика» МАПН (Тель-Авив, Израиль, 2011), круглых столах «Зимние Олимпийские игры Сочи-2014: вызовы, условия проведения, результаты» и «Зимние Олимпийские игры Сочи-2014: год спустя» (Университеты Лунд и Мальмо, Швеция, 2011 и 2015), круглом столе «Мультикультурализм в России» (Центр Русистики Университета Уппсала, Швеция, 2012), 62-ой ежегодной конвенции Международной Ассоциации Коммуникаций (Феникс, США, 2012; участие в режиме on-line); 44-ой ежегодной конвенции американской ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (Новый Орлеан, США, 2012), VI Всероссийском конгрессе РАПН (Москва, 2012), межрегиональном семинаре «Политические идеи и идеологии в публичной сфере» (ВШЭ СПб., 2013), всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Справедливость как ценность, идея и общественная практика в современном мире и России» (РАПН, РАН, Москва, 2014), международном научном семинаре «Национальные меньшинства: новые проблемы анализа» (Science Po, Экс-ан-Прованс, Франция, 2015) и др.

Результаты исследования легли в основу отдельных разделов учебных курсов «Политология» «Политическая антропология», «Политические коммуникации», «Политические процессы в современной России» – для студентов СЗИУ РАНХиГС; курсов «Политическая философия», «Геополитика и хронополитология», «История политических учений», «Политическая теория» – в ВШЭ СПб.; англоязычного курса «Политическая история Россия: мифы и реальность» – для студентов США в Центре Русского Языка и Культуры СПбГУ (2001-2007); англоязычного магистерского курса «Политическая антропология и проблемы мультикультурного мира» – в рамках программы «Глобальная социология» на социологическом факультете СПбГУ (2008-2010). Результаты исследования также легли в основу отдельных тематических

лекций, прочитанных в университетах Орхуса (2003), Хельсинки (2009), Тулэйн (2012), Экс-Марсель (2015) и для Норвежской ассоциации региональных и местных властей (г. Осло, 2012). Материалы и методики исследования были также задействованы при реализации программы по адаптации и интеграции курсантов Государственной морской академии им. Адмирала С.О.Макарова (2010-2011 гг.).

По теме диссертации опубликовано 47 научных работ общим объемом свыше 80 печатных листов, в том числе две авторских, одна коллективная монография и 18 статей в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов докторских диссертаций.

Структура работы. Цель и основные задачи определили структуру и объем исследования. Работа состоит из введения, трех глав, двенадцати параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы и приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной научной проблемы и освещается степень ее разработанности, а также определяются цель, задачи, методологическая база исследования и развернуто излагаются положения, выносимые на защиту.

В главе 1 **«Модели идентификации индивидов с макрополитическими сообществами»** рассматриваются три способа воображения политического сообщества – национальный, цивилизационный и космополитический.

В параграфе 1.1 *«Феномен идентификации индивида с сообществами»* рассматривается вопрос: почему оказывается исторически неизбежной идентификация индивида с разными сообществами. В работу вводятся понятия «идентичность», «идентификация», «идентификация с сообществами» и (как вариант последней) «идентификация с макрополитическими сообществами». Показывается, что, помимо языковых компетенций важной предпосылкой самоидентификации индивида является избирательный характер его индивидуальной памяти по отношению к контекстам социальной, культурной, а также политической памяти группы. Историческая заданность в жизни индивида определенного языка и памяти

кодируется в форме национальных «легитимирующих» мифов. Далее разбирается непрозрачность понятия «идентичность» с точки зрения стоящих за ее использованием социальных практик власти и символического насилия. Это делает категорию «идентичность» не очень удобной с точки зрения метатеоретического анализа. В результате выявленных «неудобств» с идентичностью, автор переходит к работе с понятием «идентификация», так как последняя лучше подходит для задачи поиска и выявления «реляционистской» и «категориальной» (само)идентификации субъектов в рамках транснациональных сетей. При этом ставится задача поиска транснациональных субъектов на уровне идентификации с макрополитическими сообществами. Под последней понимается совокупность разных способов идентификации с сообществом, которое ассоциируется с современным государством. Политическая составляющая исследования связывается с тремя основаниями: динамикой института национального государства; конкуренцией моделей идентификации за гегемонию в публичном пространстве в форме различных «политик идентичности»; пересмотром идеи «общего блага» таким образом, чтобы оно распространялось, в том числе, на индивидов, уже частично вышедших за рамки национальной модели идентификации.

В параграфе 1.2 *«Идентификация с макрополитическими сообществами как предмет метатеоретического анализа»* объясняется необходимость метатеоретического анализа политической идентификации, которая связана с тем, что этот концепт выходит за рамки в узком смысле политической науки и должен быть рассмотрен под углом зрения политической философии в рамках плюрализма парадигм эпистемологии и философии науки, и, в частности, таких течений постнеклассической философии, как конструктивизм и культурно-исторический анализ науки. Метатеоретический анализ и проблематизация нациеориентированной картины мира, принимаемой за константу теоретической политологии, оказываются необходимыми в ситуации, когда меняется исторический контекст функционирования механизмов идентификации с макрополитическими сообществами.

Объясняя почему осмысление политики в рамках национального государства стало «мейнстримом» политической науки в XX столетии, указывается на то, что

особенно на современном этапе, национальный тип макрополитической идентификации попадает под одновременное воздействие глобализации и регионализации (феномен «Вестфальского парадокса»). Индивид существует в контексте влияния на него целого набора разных макрополитических сообществ, попеременно претендующих на его лояльность. Поскольку сферы влияния этих сообществ зачастую пересекаются, индивидам, сталкивающимся с «проблемой Пиноккио»⁵⁹, приходится самим решать, в каких пропорциях соотносить себя с национальной, цивилизационной либо космополитической моделью.

В параграфе 1.3 *«Основания идентификации индивида с макрополитическим сообществом: «Мы», «Другой», «политическая память», «политическое пространство»* в целях поиска элементов национальной, цивилизационной и космополитической моделей, которые могли бы лечь в основание транснациональной модели, на основе проанализированной литературы⁶⁰ предложена авторская модель идентификации с макрополитическим. Она сообществом позволяет связывать представления о «Мы-сообществе» и значимых «Других» с коллективной политической памятью и характером позиционирования субъектов в политическом пространстве. Модель можно применить для метатеоретического анализа национального, цивилизационного, космополитического и транснационального вариантов идентификации с сообществами. Результаты операционализации выделяемых оснований идентификации с макрополитическими сообществами приводятся в таблице:

⁵⁹ *Strange S.* The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge Univ. Press 1996. P. 199.

⁶⁰ В частности, *Комаровский В.С.* Политическая идентификация России... С.9-11; *Попова О.В.* Образ «Другого» // Политическая идентичность и политика идентичности. М.: РОССПЭН. Т.1. 2012. С.190.

Основания идентификации с макрополитическими сообществами

№	Основания идентификации	Операционализация оснований
1	Представления о «Мы-сообществе»	«Структурирующие» / «вторичные» основания идентификационной матрицы
2	Представления о значимом «Другом»	«Другой» как «иной» / «Другой» как «чужой» или «враг»
3	Коллективная политическая память	«Память о коллективных политических жертвах» / «память о коллективных политических триумфах»
4	Позиционирование субъекта в политическом пространстве	«Территориальное» гражданство / «посттерриториальное» («ценностно-ментальное») гражданство

В параграфе 1.4 *«Доминирующая модель идентификации с макрополитическим сообществом: идея нации и ее вариации»* согласно приведенным четырем основаниям анализируются представления о «Мы-сообществе» в вариантах «этно-культурного» и «гражданского» пониманий нации. Описываются механизмы трансформации значимого «Другого» от просто «иного» в сторону «врага». При задействовании этих механизмов сила национальной идентификации способна возрождаться «из пепла» в условиях милитаризации сообщества. Действенность национальной модели идентификации на уровне воспроизводства политической памяти связывается с сакральными механизмами коллективного воображения, обещающими индивидам «век без религий» преодоление экзистенциального страха забвения⁶¹. При этом сильная сторона идеологии национализма заключается в том, что она мобилизует и легитимирует политическую роль большинства индивидов, проживающих на конкретной территории с помощью идеи национального гражданства.

Проведенный анализ заострил вопрос о том, насколько сильно религиозная идея спасения по-прежнему питает современную действительность, в большей или меньшей степени маскируясь под светское национальное государство. Вместе с тем, вероятно, нация «вообразилась» не просто так, но для этого были глубокие сакральные основания, связанные с эволюцией религиозного сообщества в национальное. Именно по этой причине периодически оказывается, что «нация может стоять жертв» (Б.Андерсон), будь то жертвы на уровне коллективной политической

⁶¹ Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм / Под. ред. Б.Андерсона и др. М.: Праксис. 2002. С. С. 278

памяти, либо реальных «врагов нации». Одновременно критикам модели нации необходимо помнить, что современный мир по-прежнему во многом питается именно идеей нации. По итогам нашего анализа, можно предположить следующее: либо еще рано хоронить «нацию» и эта модель будет востребована, пока она будет оставаться «тайным» хранилищем сакрального смысла, либо это «сакральное» будет перерождаться и питать экзистенциальные основания каких-то других моделей, например, цивилизационной либо транснациональной.

В параграфе 1.5 *«Цивилизационная модель и особенности идентификации с макрополитическими сообществами»* показывается, что наравне с национальной цивилизационная идентификация тоже может быть значимой моделью воображения. Ее структурирующим основанием является принцип «сакральной вертикали». В виде локально закрепленного «ядра» цивилизации выступают носители особых сакральных идей и культурных практик, которые совпадают с «трансцендентным назначением человечества» и противопоставляются, либо тем, кто не обладает такими практиками вовсе, либо обладающим ими в меньшей степени («лимитрофы» на периферии). Опираясь на такое прочтение представлений о «Мы-сообществе» цивилизаций значимыми «Другими» оказываются как «иные» цивилизационные сообщества, с которыми налаживаются трансцивилизационные взаимодействия (например, в концепциях Ш.Эйзенштадта и Й.Арнасона), так и «чужие» цивилизации – потенциальные «враги» в контексте «столкновения цивилизаций» (ряд работ С.Хантингтона). В зависимости от выбранных структурирующих оснований (этноцентристский, национально-цивилизационный и др. варианты) для конструирования цивилизационной идентификации используются разные репертуары коллективной политической памяти. Относительно гибкая (при сохранении «ядра») привязка к географической территории и присутствие устремлений к ее расширению отличает цивилизационную модель от территориальной модели нации и способствует формированию особого типа границ – «рубежей». В отличие от модели нации, «периферия» в цивилизационной модели потенциально безгранична. Горизонт «трансцендентного назначения человечества»⁶² сближает цивилизационную модель идентификации с космополитической, однако, в отличие от космополитической

⁶² Цымбурский В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика // Геополитика. Антология. М.: Академический проект. 2006. С. 940

модели, «сакральная вертикаль» создает «основное человечество» именно из «ядровых народов» цивилизации и «основную землю» (ойкумены) – из населенного ими цивилизационного ареала. Последнее вновь приближает цивилизационную модель к национальной. Эклектичность цивилизационной модели приводит к тому, что она попадает под «перекрестный огонь» критики как со стороны лагеря сторонников идентификации с нацией, так и со стороны сторонников мирового гражданства. Гибридная модель национально-цивилизационного сообщества является уязвимой со стороны альтернативных проектов, сохраняя в себе опасность культурного империализма.

В целях конструирования транснациональной модели перспективной, во первых, представляется идея Эйзенштадта-Арансона о *трансцивилизационных* взаимосвязях вместо изолированных и самодостаточных, либо «сталкивающихся» цивилизаций. Во-вторых, - концепция множественности и альтернативности форм модерна, объясняющая, почему разнообразие культурных и институциональных форм современных обществ не может быть сведено к эффекту исторической «колеи». Здесь сама модерность представляется *трансцивилизационной реальностью*, которая способствует рекомпозиции цивилизационных элементов. В третьих, перспективной для поиска транснациональной модели также является идея об «осевых революциях», связанных с напряжением и поисками путей преодоления разрыва между трансцендентным и мирским порядками. Это приводит к формированию нового типа духовной элиты, выступившей носителем новых моделей социокультурного устройства общества в соответствии с трансцендентным видением мира (далее эта идея развивается в параграфе 2.4 в связи с «транснациональными интеллектуалами»). В четвертых, интересными с точки зрения поиска транснациональной модели представляются положения об «экзистенциальных основах устроения цивилизации», вызванных базовой экзистенциальной неопределенностью или тревогой, наиболее тесно связанными с сознанием человеческой бренности и попытками ее преодоления.

В параграфе 1.5 речь также идет о проблеме невозможности отождествления цивилизационной и имперской идентификации. Автор идет по пути выделению в рамках феноменов цивилизаций и империй комплекса надэтнических и

надконфессиональных властных структур, которые принципиальным образом отличаются от национальной модели своим надэтническим характером и культурно-религиозной привязкой. Это позволяет смотреть на переход от национальной к цивилизационной идентификации как движение по шкале нарастания в моделях макрополитической идентификации персонологической доминанты самоопределения личности.

В параграфе 1.6 «*«Гражданин мира» и специфика космополитической модели идентификации»* в рамках обозначенной нами схемы элементов идентификации исследуются идеалы мирового гражданства и глобального правительства⁶³. Другой особенностью космополитической модели является то, что в отличие от национальной она ставит под сомнение основанную на понятиях суверенитета и целостности территории Вестфальскую систему национальных государств. Противники «космополитического поворота» оказываются в роли «чужих» или, как минимум, «иных», что происходит, в том числе, за счет различий на уровне коллективной памяти. Спецификой космополитической модели также является то, что она предполагает достаточно слабую привязку к географической территории и отождествление себя с общепланетарным пространством человечества. Доля «локального» в «глобальном» определяется степенью «выраженности», либо, наоборот, «разреженности» космополитических идеалов.

Можно считать, что персонологическая составляющая идентификации в рамках космополитической модели достигает своего пика. Одновременно, сомнения в том, что вариант «выраженной» космополитической идентификации является гармоничным для развития современного политического сообщества, связаны со следующими чертами первого: 1) отрицание роли традиций и чрезмерная вера в «универсальный разум»; 2) принижение феномена патриотизма; 3) амбивалентность идеи замены национального на мировое гражданство; 4) большая направленность космополитизма на преодоление культурных особенностей и локальной специфики, чем на их сохранение; 5) способность космополитизма становиться инструментом империализма и перераспределения политической власти и влияния, в том числе подавления индивидуальной свободы. Аргументы в критике «выраженного»

⁶³ Held D. Cosmopolitanism. Ideas and Realities. Polity. Cambridge, 2010. P.69

космополитизма в защиту патриотизма и сохранения национальных традиций, а также идея необходимости нахождения баланса между «выраженным» и «разреженным» видами космополитизма представляются перспективными для поиска транснациональной модели во второй главе исследования.

В главе 2 **«Особенности транснациональной модели идентификации индивида с макрополитическими сообществами»** рассматриваются предпосылки, элементы становления и субъекты транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами.

В параграфе 2.1 *«Интеллектуальные предпосылки транснациональной модели идентификации»* выявляются попытки ряда авторов сформулировать и описать черты транснациональной идентификации. В частности, рассматривается введенное в научный оборот Р.Борном понятие «транснациональность», которое зародилось как некоторый компромисс между патриотизмом и культурным плюрализмом, национализмом и пацифизмом на фоне трудностей ассимиляции и интеграции мигрантов в США⁶⁴. Вплоть до 1950-х годов формулировка «транснациональные отношения» еще долго использовалась как синоним «международных» отношений. Ситуация меняется с выходом работ Дж.Найя и Р.Кохэна, С.Вертовека, Л.Приеса, исследования которых можно рассматривать как интеллектуальные предпосылки для эксплицируемой нами идеально-типической модели транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами. Можно отметить, что в работах Р.Борна и С.Вертовека описание феномена транснациональной идентификации коррелирует с указанной в первой главе динамикой на усиление персоналистской составляющей, которая в большей степени присутствует в транснациональной, чем в чисто национальной модели.

В параграфе 2.2 *«Социально-политические предпосылки транснациональной идентификации»* рассматриваются социально-экономические и технологические предпосылки развития транснациональной идентификации индивида. Выявлены шесть подобных предпосылок кристаллизации транснациональной идентификации индивида: становление сетевого общества; формирование «информационной» и «глобальной» экономики нового типа; процесс «интернетизации» населения; процесс

⁶⁴ Bourne R. The Radical Will: Selected Writing, 1911-1918. New York. 1991. P.259-260.

культурной креолизации; расширение мультилингвизма; развитие составной политической идентификации.

В параграфе 2.3 «Транснациональная идентификация с макрополитическими сообществами: идеально-типическая модель» исследуются четыре основания идентификации. На уровне представлений о «Мы сообществе» рассматриваются такие признаки как *составная идентичность, культурная креолизация, (би)мультилингвизм, «жизнь в сети» и активная включенность в глобальную «информационную экономику»*. Формирование транснациональной картины мира может быть связано с наличием у индивида разных «духовных» родин, с практиками приобщения к двум и более традициям высшего образования и с укорененностью в отличающихся национальных образах жизни.

Выявленные в начале параграфа 2.3 признаки транснациональной идентификации могут быть последовательно наложены на основания идентификации из параграфа 1.3. Таким образом операционализируются разные варианты индивидуальных комбинаций транснациональной идентификации. В качестве примера может быть взят такой признак как «билингвизм». Соответственно билингвизм модифицирует такие общие основания идентификации как представления о значимом «Другом» (которое у билингва не может совпадать с индивидом, владеющим только одним языком). То же самое прослеживается на уровне привязки к национальной (в случае с билингвом – двумя национальными) территориями, значимых «триумфах» и «преодолениях» национальной (в случае билингва – как минимум двух национальных) памятей. Добавляя в эту матрицу наличие / отсутствие других признаков (культурная креолизация, активная «жизнь в сети» и др.) мы можем моделировать самые разные комбинации особенностей и даже степени выраженности транснациональной идентификации у индивидов. Такой матрицей могут быть описаны особенности различных субъектов транснациональной идентификации.

Параграф 2.3 также исследует каким образом в транснациональной модели соотношение со значимым «Другим» принципиальным образом отличается от значимого «Другого» в национальной модели. Это происходит прежде всего за счет допущения существования альтернативы *национальному гражданству в форме двойного гражданства*, предполагающего сохранение национального и гармоничное

сосуществование этого национального с другим национальным, причём на уровне индивидуального самосознания отдельного индивида. Предполагается возможность, что национальные интересы и национальные нарративы могут подчиняться интересам более широкого плана. При этом рассматривается риск, что двойное гражданство может цинично использоваться лишь как средство «лавирования» между государствами для достижения личных целей.

Принципиальным отличием коллективной памяти в транснациональной модели является то, что основой здесь выступает идея о том, что *индивид напрямую соотносит себя с коллективным прошлыми нескольких конкретных макрополитических сообществ*. При этом в отличие от национальной коллективной памяти транснациональная преимущественно акцентируется *на взаимодействиях негосударственных акторов, на практиках или учреждениях, которые функционируют ниже уровня государств, но чья деятельность выходит за рамки национальных границ*.

Интерпретация политического пространства в транснациональной модели *не отказывается полностью от географической территориальности, но использует эту привязку лишь как стартовую позицию для перехода в виртуальное политическое пространство индивидуальных ментальных карт*.

Представленная в диссертации транснациональная модель является альтернативой распространённому пониманию транснационализма как идеологии, идеализирующей для своих сторонников – только триумф, а для своих противников – лишь опасность глобального либерализма транснациональных корпораций (ТНК). Авторская модель транснациональной идентификации предлагается не столько как альтернатива национальной модели, сколько надстройка над несколькими национальными моделями и макрополитическими сообществами. Речь идет о том, что «сакральность» такой коллективной памяти также будет питаться из «национальных» источников, но их соприкосновение и «стыковка» будут осуществляться именно *на микроуровне*. Поскольку у различных индивидов транснациональная идентификация на микроуровне будет сопрягаться с разными макрополитическими сообществами, то в своей совокупности это способствует формированию особой политической ткани – органической сети, в которую могут сплетаться индивидуальные лояльности самым

разным государствам. Одновременно, при сохранении потенциала «сакральности» нации транснациональная модель может лишать первую важных оснований для милитаризации масс в направлении конструирования образа национального «врага».

В параграфе 2.4 *«Субъекты транснациональной идентификации»* выявлено, что транснациональная модель – это модель не для всех, а для носителей специфического политического сознания, опыта и практик. Соответственно подробнее рассмотрены три вида субъектов транснациональной идентификации: *«трансмигранты»*, *«глобальные кочевники»* и *«транснациональные интеллектуалы»* - интеллектуалы, играющие существенную роль в сближении сообществ, исторически разделенных нарративами вражды и образами «врага». На примере транснациональных интеллектуалов исследуется чем транснациональная идентификация отличается от так называемой *«гибридной идентификации»* и *«сложносоставной идентификации»*.

Глава 3 **«Транснациональная модель идентификации: от рисков к новым возможностям»**. Теоретические основания транснациональной модели идентификации с макрополитическими сообществами сопряжены с рисками, без учета которых развертывание этой модели может привести к негативным эффектам. Эти риски рассматриваются в параграфе 3.1 *«Негативные способы развертывания транснациональной идентификации: ксенофобия и образ «врага»»*. Практические риски негативных способов развертывания транснациональной идентификации связаны с возросшей в начале XX века террористической активностью и распространением транснациональной преступности, с изменениями характера миграции. Негативному варианту транснациональной идентификации также способствуют ксенофобия и механизмы экстернизации образа «врага», в частности, образ «далеких местных» и русофобия. Философскими предпосылками формирования негативной идентификации можно считать антагонистический подход к трактовке природы «политического» и конструирование образа «врага». Последний может характеризоваться принципами *социального дарвинизма и морального релятивизма*. Образ «врага» является своеобразным «резервуаром», в который часто помещаются собственные исторические «комплексы» и «травмы».

В параграфе 3.2 «Позитивные способы развертывания транснациональной идентификации, их преимущества в преодолении ксенофобии и образа «врага»» анализируется позитивный способ развертывания транснациональной идентификации, предполагающий, что «гасить» возникающие на уровне макрополитических сообществ антагонизмы «мы» vs «чужие» можно на микроуровне. В этом смысле субъекты транснациональной идентификации принципиально отличаются от «космополитов с узкопоместническими интересами» постоянно пребывающих в «оболочке» миссии глобализаторства и никогда в ней не сомневающиеся, так как эта «оболочка» ограждает их от любого серьезного контакта с местными культурами⁶⁵.

Рассматриваются восемь нормативных концептов, при реализации которых разворачивание транснациональной идентификации происходит в позитивном ключе и отчасти позволяет снять современное противостояние между делиберативными и агонистическими подходами к трактовке «Другого»: принцип «диалектического понимания глобализации»; принцип «политической дружбы»; принцип «народной дипломатии»; принцип «транснациональной экзистенциальной коммуникации»; принцип «транснациональной культурной компетентности»; принцип «живого знания»; принцип «мы-чувства органического единства общества»; построение позитивной транснациональной идентификации по принципу «концентрических кругов: от национально к глобальному».

Следует отметить, что указанные принципы – это не только нормативные идеи, но и основания для решений, которые могут иметь практическое значение. Они предусматривают конкретные практики и условия их реализации: практики международных академических и культурных обменов, практики делиберации в рамках транснациональных НПО, а также Интернет сообществ и форумов, практики университетского сотрудничества, приграничные культурно-экономические и экологические проекты, трансграничные политические движения, в том числе по отстаиванию индивидуальных и коллективных политических прав, трансграничные активизм звезд шоу бизнеса под эгидой ООН и др.

⁶⁵ Бергер Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2004. С.13.

В **Заключении** сформулированы основные выводы диссертации и ее итоги:

В первой главе были рассмотрены элементы моделей национальной, цивилизационной и космополитической идентификации. В ходе обзора, помимо сильных сторон, обеспечивающих «живучесть» данных моделей (особенно национальной), была обобщена их критика. Особенно перспективными в целях дальнейшего конструирования транснациональной идентификации представляются идеи о сакральных основаниях эволюции религиозного сообщества в национальное, об экзистенциальных основаниях трансцивилизационной реальности, а также дискуссия между «выраженным» и «разреженным» видами космополитизма. В результате проведенного метатеоретического анализа у нас есть основания полагать, что транснациональная модель может питаться от сакральных оснований всех трех вариантов идентификации – национальной, цивилизационной и космополитической.

Во второй главе были представлены отличия модели транснациональной идентификации от национальной, цивилизационной и космополитической, рассмотренных в первой главе. Было показано, во-первых, каким образом термин «транснациональное» введен в научный оборот, во-вторых, почему он используется разными авторами по-разному и, в третьих, была предпринята попытка выстроить свою собственную идеально-типическую модель транснациональной идентификации. Используя разработанную в первой главе модель, мы выявили четыре основания транснациональной идентификации, в частности, был выделен набор из шести признаков транснациональной идентификации и продемонстрирована возможность надстраивания транснациональной идентификации над национальной для трех групп субъектов. Однако преимущества транснациональной идентификации над альтернативными моделями проявляются только в случае позитивного способа развертывания транснациональной идентификации.

В третьей главе мы использовали существующую в литературе концепцию «негативной» и «позитивной» идентичности, чтобы проанализировать, как идеально-типическая транснациональная модель идентификации с макрополитическими сообществами может развертываться в двух полярных направлениях. Выявлено, что в современном российском контексте в условиях глобализации потенциал реализации транснациональной идентификации с макрополитическими сообществами может

иметь определенные преимущества. Они заключается, во-первых, в возможности ревизии роли национального государства как элемента политической системы; во-вторых, в размывании философских оснований ксенофобии, негативной политической мобилизации и образа «врага»; в-третьих, в пересмотре абстрактного космополитизма в сторону положительного способа развертывания модели транснациональной идентификации. Транснациональная модель, «надстраиваясь» над национальными лояльностями разным макрополитическим сообществам, сохраняет привязанность граждан к национальным сообществам и может способствовать преодолению «кризиса идентичности», углубляющегося в условиях ассиметрично протекающей глобализации.

III. ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ В СЛЕДУЮЩИХ НАУЧНЫХ РАБОТАХ АВТОРА

Монографии:

1. *Акопов С.В.* Человек многомерный: транснациональная модель идентификации индивидов с макрополитическими сообществами: метатеоретический анализ. –СПб.: Алетейя, 2015. – 296 с. (18,01 п.л.)
2. *Акопов С.В.* Развитие идеи транснационализма в российской политической философии XX века. –СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2013. – 262 с. (16,5 п.л.)
3. *Акопов С.В., Розанова М.С.,* Идентичности в эпоху глобальных миграций. – СПб.: Деан, 2010. – 272 с. (17 п.л.; автор. – 9 п.л.)

Работы, опубликованные автором в перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК:

4. *Акопов С.В.* «Мировое гражданство» глазами его критиков (пять аргументов против «насыщенного» космополитизма М. Нуссбаум) // Управленческое консультирование.– СПб., 2015. - № 2 , - С.107-114. (0,5 п.л.)
5. *Акопов С.В.* Транснациональное измерение современности // Философские науки, №3. 2015. С.109-125. (0,9 п.л.)
6. *Акопов С.В.* Россия и Европа в политической философии М.К.Мамардашвили // Управленческое консультирование. - № 1, 2013, - С.38-47. (0,7 п.л.)
7. *Акопов С.В.* Между национальным и универсальным: Америка и Россия в политической мысли М.Н.Эпштейна // Управленческое консультирование. - № 2, 2013, С.24-32. (0,7 п.л.)
8. *Акопов С.В.* Концепции «Амероссии» и «российского регионализма» в творчестве Михаила Эпштейна // Государственная Служба. 2013. № 1. С. 86-88. (0,6 п.л.)
9. *Akopov S.* The Symbols of Sochi 2014: the Skyline of New Russian Political Identity // Управленческое консультирование. - № 4, 2013, С. 52-56; Национальная идентичность и инновационная символическая политика Сочи – 2014 // Управленческое консультирование. - № 4, 2013, С. 57-61. (0,5 п.л.)
10. *Акопов С.В.* Государство, глобализация и транснациональная экзистенциальная коммуникация // Политекс, 2013, Т.9, №4, С.124-134. (0,8 п.л.)
11. *Акопов С.В.* Цивилизация и империя как способ воображения культурно-политического сообщества в концепциях В.Л.Цымбурского и В.К.Кантора // Управленческое консультирование. - № 8, 2013, С. 73-82. (0,7 п.л.)
12. *Акопов С.В.* Россия и транскультурный универсализм (об идеях М.К.Мамардашвили и М.Н.Эпштейн) // Журнал «Россия и современный мир», 2013. С.138 – 148. (0,8 п.л.)
13. *Акопов С.В.* Сетевая философия и трансформация идентичности личности // Управленческое консультирование. - № 12, 2013, С.42-46. (0,5 п.л.)
14. *Акопов С.В.* Конструирование российской идентичности: принципы транскультурности и критической универсальности // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып. 12. с. 341-355. (0,9 п.л.)

15. *Акопов С.В.* Политика и транскультура в политико-философском творчестве Михаила Эпштейна // Государственная Служба. 2012. № 6. С.81-83. (0,8 п.л.)
16. *Акопов С.В.* Основные подходы к построению политического сообщества в эпоху глобализации // Управленческое консультирование. - СПб. – 2011. - № 1. - С.123-134. (0,8 п.л.)
17. *Акопов С.В.* Интервью с профессором Р.Тарасом и перевод отрывков из его книги «Европа Старая и Новая: транснационализм, принадлежность, ксенофобия»// Государственная служба. 2011. - №2. - С.82-87. (1 п.л.)
18. *Акопов С.В.* Вопрос Морено // Управленческое консультирование. - № 2, 2011, - С.121-130. (0,8 п.л.)
19. *Акопов С.В. Прошина Е.М.* Неоконченное приключение образа «врага»: от теории «секьюритизации» до «далеких местных» // Власть, - 2011. №1. - С.89-92. – 0,5 п.л. (в соавторстве; автор. – 0,3 п.л.).
20. *Акопов С.В.* О роли «транснациональных интеллектуалов» в эпоху кризиса мультикультурализма // Власть. - 2011. - №12, - С.72-75. (0,5 п.л.)
21. *Акопов С.В.* Принципы формирования транснационального сообщества // Личность. Культура. Общество. - 2010, - № 12 (4), - С. 277-282 (1,1 п.л.)

Главы в коллективных монографиях:

22. *Akopov S., Volkov V.* The Symbols of Sochi 2014: Searching for the Visual Signs of New Russian Political Identity in *The Winter Olympics in Sochi 2014: Challenges, Conditions, Consequences*, Ed. by Bo Petersson & Karina Vamling, Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 124-141. (1 п.л.; автор. – 0,7 п.л.)
23. *Akopov S.* Russian identity after the fall of the USSR. From generation “П” to generation “Т” (“Transnational”)? // *Russia’s Changing Economic and Political Regimes The Putin Years and Afterwards*, Ed. by A.Makarychev, A.Mommen, Routledge, 2013.- P.66-76. (0,8 п.л.)
24. *Akopov S.* Chapter 13. Multinationalism, mononationalism or transnationalism in Russia? In *Challenging Multiculturalism. European Models of Diversity*. Raymond Taras (Ed.) Edinburg Univ. Press. Edinburg 2012. - P. 279-296. (1,1 п.л.)

25. *Akopov S. Fertilizacion cruzada y translocacion intergrupal' frente a la representacion del 'enemigo') // Nacionalismo y democracia. Dicotomias. Complementariedades. Oposiciones. Ed. by L.Moreno, A.Lecours. Madrid, 2009, -P.129-151.*

Статьи в сборниках научных работ:

26. *Акопов С.В. Трансмигранты как элемент секьюритизации транснационального дискурса // Этничность, миграция и власть: вызовы XXI века: сборник статей Международного научного симпозиума, г. Набережные Челны, 31 мая –1 июня 2013 г. / науч.ред. О.И. Зазнаев, В.Т.Сакаев. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 264 с. (Вып. 2. Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии). С.52-56. (0,4 п.л.)*

27. *Акопов С.В. Российские «транснациональные интеллектуалы» в политической философии XX века // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. М., 22-24 ноября 2012 г., РАПН, 2012. С.34-35. (0,2 п.л.)*

28. *Акопов С.В., Розанова М.С., Мигранты и принимающее общество: неразрешимое противостояние в глобализирующемся мире? // Материалы межвузовской конференции «Диалог философских культур: Россия - Восток – Запад». Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское философское общество, 2011. С.44-50. (0,6 п.л.; – автор. 0,3 п.л.)*

29. *Akopov S. The dual identity, cosmopolitan localism and democratic theory: case study of Russian 20th century political philosophers. Democracy, Ethnicity and the State. Ra'anana, Israel, p.9-10 (0,1 п.л.) (а также доклад *From Multiculturalism towards Transnationalism: Case Study of Russian 20th Century Political Philosophers* (12 p.) в рамках конференции “Национализм и демократия” 14 исследовательского комитета (Politics and Ethnicity), Международной Ассоциации Политических Наук, Тель-Авив, 2011. (0,8 п.л.)*

30. *Акопов С.В. Шесть принципов формирования транснационального сообщества в эпоху глобализации // Материалы Всероссийской научной конференции*

с международным участием «Политические институты в современном мире» (10-11 декабря 2010 г.), СПбГУ, С.14-16. (0,3 п.л.)

31. *Акопов С.В., Розанова М.С.*, Транскультурная принадлежность vs институт гражданства // Материалы межвузовской конференции «Диалог культур и становление трансверсальной философии». С-Петербург, Санкт-Петербургское философское общество, 2010. С.198-207. (0,6 п.л.; – автор. 0,3 п.л.)

32. *Akopov S.* Conference paper ‘Communication Without The Enemies: Which “lingua franca”’, *Ethno-cultural Diversity and the Problem of Tolerance in the Globalizing World*, Research Committee 14 (Politics and Ethnicity) IPSA Conference, St.-Petersburg, June 2010, P.3-8. (0,3 п.л.)

33. *Akopov S., Rozanova M.*, The «borders», «boundaries» and «frontiers» of national identity in the context of migration processes // Plamen Makariev, Andrew Blasko, Dariusz Dobrzanski (eds.), *Philosophy in Times of Social Crisis. Integrity and Dialogue*, Sofia, Minerva Publishing House, 2010. – P.181-196. (1 п.л.; – автор. 0,5 п.л.)

34. *Акопов С.В.* Эпистемологические сообщества: производство нарративов в эпоху глобализации // V Всероссийский конгресс политологов, Тезисы докладов, -М., РАПН. 2009. С. 27-28. (0,1 п.л.)

35. *Акопов С.В.* Границы идентичности и образ врага // Толерантность: искусство жить вместе, Петрозаводск, 2008, С. 12-27. (0,8 п.л.)

36. *Акопов С.В.* Образ врага в современном политическом пространстве // Политика XXI века: преемственность и инновации в России и в мире: мат. междунауч. конф., Ч.2. Санкт-Петербург, 23-24 мая 2008 г. / Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2008. С.11-18. (0,6 п.л.)

37. *Акопов С.В.* Политическая идентичность в условиях поликультурного пространства современного мира // Россия: ключевые проблемы и решения: Сборник научных статей РАГС, ИНИОН, СЗАГС. Выпуск 7. Часть 3. / Под общей редакцией В.К. Егорова, А.С. Горшкова, В.М. Герасимова, М.А. Кашиной. - М.:РАГС, 2008, С.7-15. (0,5 п.л.)

38. *Акопов С.В.* По ту сторону образа «врага» // Власть и культура, Сб. конференции по исторической психологии памяти В.П. Денисенко, -СПб., Изд-во РХГА 2007, С. 411-425. (0,8 п.л.)

Статьи в научных журналах:

39. *Акопов С.В.* «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности // *Международный журнал исследований культуры*. 2014. № 1(14). С. 21-27. (0,4 п.л.)

40. *Akopov S.* Communication without the “Enemy”: Transnational Intellectuals and Narratives of Reconciliation’ // *Russian Journal of Communication*, 2010. Vol. 3 (1/2), Spokane. – P. 97-122. (1,2 п.л.)

41. *Akopov S., Razumeyko N.* Imagined communities in the unimaginable state: Federal ‘Centre’ and ‘Regions’ in modern Russia // *Regional Insights*, London, Routledge: issue 2, spring 2011, - P.9-11. (0,6 п.л.; – автор. 0,3 п.л.)

42. *Akopov S., Rozanova M.*, Migration Processes in Contemporary St.Petersburg // *NISPAcee Journal of Public Administration and Public Policy*, Bratislava Vol III/1, summer 2010.-P.77-92. (1 п.л.; – автор. 0,5 п.л.)

43. *Akopov S., Haselsberger B.*, Territorial cohesion versus variation and diversity: the hallmark of supranational territories? // *Regions*, № 270, U.K., June 2008, - P.10-12. (0,6 п.л.; – автор. 0,3 п.л.)

44. *Акопов С.В.* Теория «мимов», социальный дарвинизм и проблема гуманизма в общественных науках // *Управленческое консультирование*, № 4 2007, с. 122-132. (0,8 п.л.)

Главы в авторских учебниках:

45. *Акопов С.В.* параграф 8.2 Наднациональное и кросс-национальное в современной политической культуре С.282-294 // *Политическая культура*. Под ред. Г.Л.Тульчинского, М.:Юрайт. 2014. (– 17п.л.; автор. – 0.8п.л.).

46. *Акопов С.В.* Оптимизация коммуникативных навыков – условие конфликтологической компетентности и культуры // *Конфликтология для государственных служащих*. Учеб. пособ. Под. ред. В.А. Волкова, В.А.Семенова, СПб, СЗАГС, 2010, С. 441-480. (2,1 п.л.)

47. *Nyina Filippova, Szergej Akopov. Az orosz világ a 20.Században [Филиппова Н.М., Акопов С.В. Русский мир в XX веке как совокупность текстов]. – Будапешт: Венгерский центр русистики, 2010. - 126 с. (– 8 п.л.; автор. – 4 п.л.).*

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

АКОПОВ
Сергей Владимирович

Тема диссертационного исследования:
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНДИВИДОВ
С МАКРОПОЛИТИЧЕСКИМИ СООБЩЕСТВАМИ:
МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Изготовление оригинал-макета
Акопов С.В.

Подписано в печать ____ . ____ 2015

Тираж 100 экз. Заказ № ____

Отпечатано в типографии « »

